

ИРИНА ПРИЩЕПОВА

Гражданская война и порт Байкал

Порт Байкал (раньше его чаще называли станцией Байкал), можно сказать, ровесник XX столетия. Существует он немногим больше ста лет. Сто лет... Много это или мало? Конечно, всё относительно. Для Земли — это ничто. Для человеческой жизни — очень много. И для жизни нашего посёлка — тоже немало. Ведь в эти сто с небольшим лет уместилась вся его история. Едва порт Байкал появился — закипела, забурлила его рабочая жизнь. Он словно спешил заслужить славу, наработаться впрок, будто знал, что впереди его ждёт тихая, неприметная жизнь...

Ещё в самом конце XIX века на месте нашего посёлка был лес. Ни дорог здесь не было, ни домов, ни людей. И редко какой-нибудь заезжий (а точнее, приплывший на маленьком утлом судёнышке) мог любоваться нашими девственными байкальскими местами. Лесистые мысы, спускающиеся с облачных высот прямо в байкальские глубины, своими монолитными спинами перекрывали путь к южной оконечности Байкала. Но царское правительство решило, что так быть не должно, здесь нужно проложить дорогу, которая будет частью Транссибирского пути — пути через всю Россию. И началось строительство Кругобайкальской железной дороги. Подножие мысов взрывали, чтобы очистить место для будущей Кругобайкалки. Взрывы оголяли древние скалы. Интересно, что на скале на станции Байкал обнажились слои, образовавшиеся в древнейшие земные эпохи и представляющие большой интерес для путешественников. Кому не хочется посмотреть на открывшиеся взору изогнутые пласты, быть может, существующие не один миллиард лет?!

Быстро строилась Кругобайкалка — золотая частица великого Транссиба. Бурное время требовало доблестного, героического труда. Особенно спешили со строительством железной дороги в русско-японскую войну. На выручку по-

ездам, стоящим по обоим берегам Байкала из-за отсутствия дороги на байкальском участке, в Великобритании были построены ледокол-гигант «Байкал» и его помощница и соратница «Ангара». Для них построили десятиметровый маяк с винтовой лестницей. Ледоколы и маяк появились на свет примерно в одно время с посёлком, которому дал жизнь Транссиб, и были необходимы друг другу, Байкалу, Иркутску и всей стране. Приписаны были ледоколы к порту Байкал, только что построенному. Да и где же им быть, «Байкалу» и «Ангаре», как не в порту Байкал, расположившемся сразу и на Байкале, и на Ангаре?..

Ледоколы «Байкал» и «Ангара» у станции Байкал

Порт и железная дорога дали работу местным жителям, которыми стали в основном переселенцы из центральной части России. Одним из самых первых пришёл в посёлок мой прадед Голованов Никита Иванович, ссыльный крестьянин из Тамбовской губернии. Он работал на дороге артельным старостой. Должность эта его впоследствии и сгубила. В 37-м году по доносу, что он был «старостой», его арестовали и вскоре расстреляли в Пивоварихе. И только в 1959 реабилитировали...

Хочется проникнуть вдумчивым взглядом в смутное, трагичное время революции и Гражданской войны. Порт Байкал был тогда совсем юным, а испытания выпали на его долю серьёзные. Когда началась революция, в нашем посёлке — впрочем, как и везде — настали трудные времена. Хлеба не хватало. Люди меняли на хлеб вещи. Деньги поднялись в цене, да и рабочим их не платили, работали они за полпуда хлеба на семью. Многие жители стали покидать Байкал, чтобы прокормиться, уезжали ближе к земле (в порту, расположенном среди гор, почти нет пригодной для сельского хозяйства земли). Но осталось жителей больше, чем уехало, люди, как могли, боролись с трудностями, преодолевали голод.

Иркутск и юг Байкала в 1918 году стали ареной Гражданской войны. Бои между красными войсками Центросибири и антибольшевистскими силами Восточного фронта были страшными, кровопролитными, беспощадными. Причём, свирепствовали обе стороны.

В Гражданской войне в России принимали участие представители многих народов. По приблизительным данным, в конце 1918 года на Дальнем Востоке находились 73 тысячи японцев, 55 тысяч чехословаков, 12 тысяч поляков, 9 тысяч американцев, 5 тысяч китайцев, по 4 тысячи сербов, румын и канадцев, 2 тысячи итальянцев, 1,6 тысячи британцев, 0,7 тысячи французов. Противоречивые ин-

тересы участников Гражданской скрутились в большой клубок, и людям было нелегко понять, кто за что воюет и на чьей стороне правда.

Чтобы читатели могли вспомнить значимые события Гражданской и Первой мировой войн, о которых пойдёт речь в очерке, даю краткую историческую справку.

Истоки Гражданской войны идут из Первой мировой.

Поводом к мировой войне послужило убийство сербом Гаврило Принципом в Сараево эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда. Австро-Венгрия незамедлительно объявила войну Сербии. Россия тут же в неё вступила, чтобы оказать помощь братскому сербскому народу. Она вместе с Великобританией и Францией входила в Антанту, блок, противостоящий Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. В ходе войны Россией было взято в плен 2 342 378 солдат и офицеров. К 1917 году в стране насчитывалось более 400 лагерей военнопленных, национальный состав которых был весьма пёстрым. Только в вооружённых силах Австро-Венгрии служили представители многих народов: австрийцы, немцы, венгры, чехи, словаки, хорваты, словенцы, румыны, украинцы, итальянцы. Чехословакия в то время входила в состав Австро-Венгрии, и в царствующем в ней доме Габсбургов она не считалась равноценной частью империи, уже само её название говорит, что к ней относились как к стране покорённой. Государственными языками в Австро-Венгрии считались немецкий и венгерский, обучение велось на немецком языке, и даже в чешских и словацких полках разрешалось говорить только на немецком, хотя в венгерских полках говорили на венгерском. Неприязнь чехов и словаков к немцам, австрийцам и венграм была очень крепкой, формировавшейся несколько столетий. А Первая Мировая лишь обострила эти противоречия.

Чехословацкий корпус или чехословацкий легион, стал одной из самых мощных и роковых сил Гражданской войны в России. Как чехам удалось сосредоточить крупные военные силы в чужой стране и завоевать огромнейшую часть России, от Пензы до Владивостока? Как они смогли захватить и удерживать Транссиб?

Чехословацкий корпус, начинался с малого — с дружины добровольцев-чехов, проживавших на территории России. Война всколыхнула славянские народы, входившие в состав Австро-Венгрии и мечтавшие о своём независимом государстве. В годы Первой мировой пленные чехи и словаки, ранее служившие в австро-венгерской армии, пожелали воевать в составе русской армии против Германии и Австро-Венгрии. 25 июля 1914 года в день объявления войны Чешский национальный комитет принял обращение к императору Николаю II о готовности чехов и словаков «быть бок о бок с русскими братьями-богатырями...» 30 июля 1914 года Совет министров Российской империи принял решение о формировании Чешской дружины для участия на стороне России, и уже в октябре она участвовала в Галицийской битве — одном из крупнейших сражений Первой мировой войны, в результате которого русские войска заняли почти всю восточную Галицию и почти

всю Буковину. Пленные и перебежчики (бывшие военнослужащие австро-венгерской армии) продолжали прибывать, и к концу 1915 года дружина была развернута в Первый чехословацкий стрелковый полк имени Яна Гуса, а к концу 1916 года полк был развернут в бригаду, состоящую из трёх полков. Воевали чехословацкие формирования под руководством русских офицеров, воевали очень успешно, и чехословацкая бригада вскоре развернулась в 1-ю Гуситскую стрелковую дивизию. Временное правительство лояльно относилось к чехам из-за их боевых заслуг, и вскоре они получили разрешение на создание 2-й дивизии, формирование которой шло быстрыми темпами. 26 сентября 1917 года начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего Н.Н. Духониним был подписан приказ о формировании отдельного Чехословацкого корпуса из трёх дивизий как части Русской армии.

В феврале 1916 года в Париже образовался Чехословацкий национальный совет, один из руководителей которого профессор Томаш Масарик в 1918 году стал первым президентом нового независимого государства — Чехословацкой Республики.

Чехословацкий национальный совет стремился превратить свои военные формирования в «иностранный союзническое войско, находящееся на территории России», и ходатайствовал перед французским правительством о признании их частью французской армии. И в декабре 1917 года французское правительство приняло декрет об организации автономной Чехословацкой армии во Франции, после чего чехословацкий корпус получил указание отправиться во Францию.

Попасть во Францию легионеры могли только через территорию России. Но дело осложнила революция. В стране была установлена советская власть. Чехи не хотели портить отношения с советским правительством и от боевых действий с большевиками воздерживались. На данном этапе их целью было покинуть территорию нашей страны и попасть во Францию. Но всё же в боевые действия весной и летом 1918 года Чехословацкому легиону пришлось втянуться, и путь их домой затянулся на два года. Когда под давлением Германии было приостановлено передвижение чехословацких эшелонов на восток, чехи восприняли это как намерение советского правительства выдать их, бывших военнопленных, Германии и Австро-Венгрии, и они прекратили разоружаться и порвали с большевиками. К тому же, немаловажное значение для них имело то, что бок о бок с большевиками сражались их враги венгры. А тут ещё 14 мая в Челябинске произошёл инцидент между венграми и чехами. На станции Челябинска стоял поезд с пленными венграми и немцами, когда он тронулся, один из пленных венгров кинул чугунную ножку в чеха, от удара легионер потерял сознание. Чехи остановили поезд и расправились с венгром. Власти Челябинска не стали разбираться в случившемся и потребовали разоружения легионеров, чего они делать не стали. После челябинского инцидента чехословацкая делегация прибыла в Москву для переговоров с большевиками — её арестовали. Чехословацкий легион закипел от возмущения. Началась непримиримая борьба легионеров с советской властью.

Подлила масла в пылающий огонь подоспевшая 25 мая телеграмма Льва Троцкого: «Каждый чехословак, замеченный на железной дороге с оружием, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных». И в этот же день красноармейцы обстреляли чехов, но потерпели поражение. Чехи были очень сильны. Они захватили Мариинск, а 26 мая Челябинск

и Ново-Николаевск (ныне Новосибирск). 28 мая в Ново-Николаевск прибыл полковник Гришин-Алмазов, чтобы вступить в командование войсками Западно-Сибирского военного округа. Прежде всего он собирался договориться с чехами о совместной борьбе с большевиками, и договорённость была достигнута. Войска Сибирской армии стали подчиняться командиру Чехословацкого корпуса Генштаба генерал-майору Владимиру Николаевичу Шокорову, который был офицером российского Генерального штаба.

Не только из взаимной неприязни чехи воевали в основном на стороне белых, а венгры на стороне красных. Чехословацкий корпус долгое время был в составе Антанты. А представители другого блока немцы, австрийцы и венгры после заключения тяжёлого для России Брестского мира стали союзниками нашей страны, и бывшие военнопленные, среди которых было много венгров, вошли в состав Красной Армии.

Летом 1918 года красногвардейцы, а в их составе венгры, быстро отступали к Байкалу. Захватив 11 июля Иркутск, белогвардейские и чешские полки двинулись к истоку Ангары, к Лиственичному и порту Байкал. При отступлении красных произошло их переформирование в две дивизии. Командиром первой, образованной из сибирских отрядов от Красноярска до Иркутска и аргунских казаков, был назначен революционный деятель, участник 1-й мировой войны Зиновий Петрович Метелица, командиром второй, состоящей из черемховских шахтёров, интернационалистов и анархистов — революционный деятель, анархист, один из руководителей партизанского движения в Восточной Сибири Нестор Александрович Каландарашвили. Главкомандующим войсками назначили Петра Клавдиевича Голикова, активного участника борьбы за советскую власть, комиссара.

Подойдя к истоку Ангары, белые обстреляли старинный посёлок Николу, убив несколько мирных жителей, и пошли на Лиственичное. Обходными маневрами опытные войска белых с боем взяли Лиственичное, а красноармейцы вынуждены были переплыть через исток в порт Байкал на своих ледоколах «Байкал» и «Ангара», которые входили в сформированную в порту Байкал флотилию, куда кроме ледоколов входили пароходы «Кругобайкалец», «Михаил», «Муравьёв-Амурский», «Иннокентий» и катера «Волна». На ледоколе «Байкал» была установлена 152-миллиметровая мортира и 4 пулемёта, на ледоколе «Ангара» два 76-миллиметровых орудия и 4 пулемёта. Командовал флотилией Лука Михайлович Власов.

Белогвардейцы, у которых судов не было, в Лиственичном захватили и отремонтировали пять брошенных красными разукomплектованных пароходов, которые им хорошо послужили в дальнейших боях.

Красные отступали. Уходя, уносили они с собой такую желанную мечту о свободе, равенстве и братстве. И бедный люд провожал их с сожалением. И печалились люди не зря. После поражения красных жителям посёлка пришлось нелегко, особенно коммунистам: здесь свирепствовали чехи.

Почему главные события Гражданской войны в лето 1918 года развернулись на байкальских берегах? Потому что по ним тянулась нить Транссиба — стальная артерия жизни. А наш посёлок был частью Транссиба, и потому был важен как для красных, так и для белых. Большое внимание и те, и другие уделяли байкальским тоннелям. Немалое значение придавал прибайкальскому участку Транссиба и вождь пролетариата Владимир Ильич Ленин. Он советовал взрывать рельсы и готовить минные заграждения. Внимание руководителей белой гвардии тоже тогда было приковано к дороге и к байкальской флотилии красных. Опытный рус-

ский военачальник, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, генерал от инфантерии Василий Егорович Флуг говорил: «Руководители Иркутской организации пошли навстречу моим указаниям, выработав план действия, в который входили и быстрый захват в нужный момент при содействии преданных железнодорожников Кругобайкальских тоннелей с целью предотвращения их взрыва, и овладения пароходами».

Когда белые начали наступление с запада, а не с востока, как ожидалось, красные решили взорвать несколько тоннелей. В первой половине июля Кругобайкалка ещё была в слабеющих руках красных. Отступая, быстро сдавая позиции, приготовили они к взрыву тоннелей на Кругобайкалке поезд, напичканный динамитом. Стоило разрушить один тоннель, и преследование врага стало бы невозможным в течение долгого времени. И красные выиграли бы время, чтобы пополнить свои боевые ряды и перейти в наступление. Соответственно, на Байкал у красных была большая надежда. Казалось, так легко можно перекрыть белым путь, взорвав мосты и тоннели. А для этого у них имелись и поезда, и тонны динамита. Взрывы на Кругобайкалке отрезали бы белых от войск атамана Семёнова. И никак бы не смогли они перебраться через Байкал, ведь флотилия была в руках красных.

Белогвардейцы, конечно же, стремились не допустить взрывы тоннелей и прилагали к этому большие усилия.

16 июля в порту Байкал грянул кровопролитный бой. Атаковал отступающих красных на станции 2-й Ново-Николаевский белогвардейский полк под командованием капитана Аркадия Васильевича Ивакина. Личность Аркадия Ивакина хорошо известна специалистам по истории Гражданской войны. Родился он 1894 г. в городе Мелекесс (ныне Димитровград) Симбирской губернии. Вырос в Поволжье, где были сильны социал-демократические и эсеровские настроения. Учился в Симбирской гимназии, которую окончили Ленин и Керенский. После гимназии окончил он Казанское военное училище, окончил ускоренно, так как грянула Первая Мировая. Военного опыта он набрался быстро, сражался на Юго-Западном фронте, был участником Галицийской битвы, в боях показал себя храбрым воином, был несколько раз ранен и контужен, но оставался в строю. За боевые заслуги был награждён шестью боевыми орденами и получил Георгиевский крест с пальмовой ветвью, для награждения которым необходимо было согласие собрания нижних чинов. В 1917 году, когда ему было всего 23 года, он в чине капитана командовал ударным батальоном дивизии. Кроме того, был избран председателем полкового комитета.

В июльском бою в порту Байкал Аркадий Ивакин проявил себя как опытный, дальновидный командир. Перед сражением белогвардейцы обошли посёлок горами, вышли, невидимые за мысом, к железной дороге и, разобрав её часть, отрезали красным путь к отступлению.

С высоких гор станция была перед белыми как на ладони, и красным спрятаться было негде.

Аркадий Васильевич Ивакин

Гора в порту Байкал, с которой белые вели бой с красными

Огонь белых с вертикальных, труднодоступных скалистых сопок был для красных неожиданным и часто достигал цели. Растерявшиеся красногвардейцы кинулись к вагонам. Кто-то пытался отстреливаться. Эшелон взял курс на восток, но уйти далеко не смог, так как путь был разобран. Паровоз сошёл с рельсов, и поезд был обстрелян из пулемётов. На станции в это время от снарядов взорвался подрывной поезд красных с четырьмя тоннами динамита. Дома и постройки служащих на станции Байкал разнесло в щепки, взрыв был такой силы, что вылетали стёкла даже в соседнем Лиственичном, а скат взорвавшегося вагона забросило на гору, туда, где до сих пор стоит старинный английский маяк. Начался сильный пожар, после которого на пепелищах находили человеческие скелеты.

Вот каким увидел начало боя житель порта Байкал Белоцветов Кирилл Васильевич. Ему тогда было всего 11 лет. Он запомнил безоблачное небо, утреннее июльское солнце, игравшее бликами на высоком борту ледокола «Байкал». Помнит он, как дымилась пекарня, там пекли хлеб для красногвардейцев, отступающих за Байкал. Казалось, ничто не предвещало бури. На Байкале часто бывает так: кругом тишь да гладь, и вдруг откуда ни возьмись срывается ураган, и плохо приходится тому, кто оказался в море. Но хоть в это утро и не случилось капризов погоды, всё-таки мирная тишина оказалась обманчивой. Вдруг, нарушив покой, раздался первый выстрел. Началась стрельба, по-звериному зарычали пулемёты. На станцию обрушилась буря шквального огня. Ребятишки и женщины попрятались по погребам.

16 июля и моя бабушка, которой тогда было 14 лет, с мамой и младшими братьями и сёстрами спрятались в подполье и со страхом ожидали конца боя. Впечатления от пережитого в этот день у бабушки оказались очень сильными, и она тоже запомнила долгие часы боя на всю жизнь и не однажды об этом рассказывала.

Но что могли видеть дети, сидевшие в погребах? Очень немногое. А хотелось бы увидеть бой глазами белогвардейцев, так как им всё было видно с горной высоты. И вот однажды мне повезло. Нашла в интернете воспоминания добровольца 2-го Ново-Николаевского полка М. Матвеева, сумевшего замечательно передать увиденное: «Мы медленно стали подниматься на вершину горы, послав вперёд разведку. Через полчаса поднялись на вершину скалы и ползком подтянулись к самому краю обрыва. При свете вокзальных фонарей можно было разглядеть силуэты бестолково мечущихся людей. Стояли под парами у дока ледоколы «Ангара» и «Байкал». Выставив дозоры, стали ждать рассвета... У красных работа кипела

вовсю. Торопясь, грузили вагоны на ледокол, передвигали составы, кричали, ругались. Загудел ледокол «Байкал» и медленно стал удаляться от пристани. Стало светать. Выслушав указание, в каком порядке наступление, тихо подвинулись немного вперёд и стали рассыпаться в цепь по краю скалы. Красные заметили, что наверху над ними делается что-то неладное. Сначала окликнули: «Кто там?», потом зашумели, забегали и через несколько минут открыли пулемётный и ружейный огонь по нам. Пули визжали, свистели, с треском отскакивали от камня, не имея возможности долететь до нас. Резко прозвучала команда: «Рота, огонь!». Защёлкали замки винтовок, и грянул первый залп... Обезумевшие от неожиданного нападения, красные метались с одного конца станции на другой, не стараясь даже укрыться от свистящих пуль, давили друг друга, сшибали с ног, наступая на лежавших. То огромной толпой бросались в вагон торопливо отходящего поезда, то кучей бросались по мосткам к «Ангаре», отчаливающей от пристани, толкаясь, летели с мостков в Байкал. Вдруг чудовищный взрыв прокатился в воздухе. Огромные камни, колёса вагонов, балки, люди — всё летело вверх, смешиваясь в каком-то хаосе. Всё кругом окуталось чёрным дымом. И только спустя около получаса очнулись мы, как очумелые, недоумевали, что это такое. А там, внизу у красных, всё ещё гремели взрывы. Большой кусок скалы, оторвавшись, стремительно полетел вниз, неся с собою смерть и разрушения. Наконец очнувшись, придя в себя, стали все приглядываться вниз, где были красные. Но там была тишина. Как будто другое место увидели мы. Картина полного разрушения, смерти представилась нашим глазам. Невдалеке, по линии, продвигался к разрушенной станции наш второй отряд. Стали спускаться и мы. Рассыпались по станции, ловя каким-то чудом оставшихся в живых красногвардейцев. От них узнали причину взрыва. Целый вагон динамита, предназначенный красными для уничтожения тоннелей, взорвался не то от попавших в него пуль, не то неизвестно от чего... Куски рельсов, переломленных на несколько частей, тяжёлые колёса вагонов, камни, человеческие головы, оторванные руки, внутренности, всё перемешалось в одну груды. Но, нет худа без добра. Само провидение помогло нам благодаря этому взрыву спасти около 38 тоннелей от рук красных».

Вышло так, что вагон с динамитом, приготовленный красными для больших взрывов, взорвал их самих.

Разрушения на станции Байкал

Это трагическое событие далёкого 1918 года увековечил в фотографиях чех Э. Гетке — имя его стоит на снимках. К сожалению, о человеке, который видел и запечатлел разрушения и похоронную процессию на станции Байкал, информации сохранилось мало. Известно, что Э. фон Гетке был владельцем фотоателье в Иркутске. С 1917 по 1920 годы был фотографом-репортёром событий революции и Гражданской войны в России. Большой интерес представляют все его снимки, в том числе и фотографии Чехословацкого корпуса: вступление частей Чехословацкого корпуса в Иркутск 28 июля 1918 года, могилы чехословацких солдат в Иркутске и многие другие снимки. По заданию Чехословацкого корпуса он сделал фотосъёмку трассы Транссибирской магистрали. А также выполнил съёмку войск Русской армии Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. Гетке был знаком с писателем Ярославом Гашеком, жившим в Иркутске с июля до ноября 1920 года, воевавшим на стороне красных и вывезшим в Чехословакию 5 его снимков.

Станция Байкал после взрыва

Вокзал после взрыва

Вагон на станции Байкал после взрыва.

Похоронная процессия на станции Байкал

Внимательно рассматривала я снимок Гетке, сделанный за 45 лет до моего рождения. На нём мои земляки хоронят погибших в страшном бою на нашей станции. Идут они, пережившие ужас боя и сильнейшего взрыва, в скорби по развалинам. Может быть, среди них есть и мои родные люди. Идут в основном женщины, одетые в длинные юбки, головы у всех повязаны платками. Среди них вижу одну черноволосую, без платка. Мне кажется, что я её уже видела на другом снимке. И вдруг вспоминаю. По-моему, я видела её на фотографии 1904 года, когда она и ещё одна местная жительница сидят на камнях у будущего полотна дороги и разговаривают с князем Хилковым. Это фото помещено в моём очерке «Моя родина — тихий посёлок Байкал». И там она тоже без платка. Кто же была эта женщина, жившая на моей земле, как жила, чем занималась, почему не носила платок, как все женщины в то время? Как ей удалось попасть на два исторических снимка в разные годы? Вопросы, конечно же, риторические...

Попытку подорвать тоннель № 19 на Кругобайкалке красные осуществили в ночь на 17 июля. Но и эта попытка оказалась неудачной. Белые устроили засаду и отстояли тоннель. В ходе перестрелки был убит председатель Маритуйского Совета рабочих и крестьянских депутатов комиссар Николай Павлович Уланов. В память о нём станция Хвойная на Кругобайкальской дороге была переименована в Уланово. А сам он покоится на кладбище Маритуя, и могила его совершенно заброшена. Хочется сказать несколько слов о сыне Уланова, который вырос достойным гражданином. Он прошёл всю Великую Отечественную войну, был тяжело ранен, потерял правую руку. За боевые подвиги награждён многими медалями и орденами. Умер в Иркутске в 1991 году.

Несмотря на превосходство красных бойцов в численности (белых было около 200 человек, а красных — более 500) и в военной технике (у белых было всего два пулемёта, а у красных — 12, да ещё два бронепоезда и байкальская флотилия во главе с ледоколом «Байкал»), красные бой проиграли. В результате боя белым удалось захватить станцию Байкал, отрезать красных от Кругобайкальской дороги и избежать наступления через многочисленные тоннели. Они захватили два бронепоезда красных и четыре пулемёта. Разгром был полным. Ледокол «Ангара», пароходы «Кругобайкалец» и «Малыгин» спешно ушли в море, чтобы не попасть в руки противника. За взятие станции Байкал Аркадий Ивакин был произведён в подполковники.

Несколько дней хоронили погибших. В тот июльский день на станции Байкал было убито много людей. По утверждению белых, красные потеряли в бою 74 человека, по свидетельству красных, они потеряли в бою 58 человек, в их числе И.Д. Мушников, А.А. Шафроновский, П.М. Алексеев, Н. Камболин, С.Г. Филингов. Газеты белых сообщали о 150 погибших красных. Да и трудно было учесть погибших, тем более после взрыва вагона с динамитом, унёсшего многие жизни. Белые же о своих потерях сказали лаконично: «Убит доброволец Щукин и восемь человек ранено».

Могу предположить, что вместе с красногвардейцами в братской могиле похоронены и мирные жители, погибшие в результате взрыва. Кого-то увезли хоронить в другие места, но большинство похоронили в порту за посёлком. Во всяком случае, в метрической книге вагона-церкви Святой Ольги из шести погибших, занесённых в неё, говорится, что крестьянин Енисейской губернии Е.И. Лаукс похоронен на станции Байкал. Вряд ли после боя с многочисленными жертвами Лауку стали бы рыть отдельную могилу, а значит, он лежит в братской могиле.

На могиле и в наши дни хорошо видна надпись: «Красногвардейцам, павшим за становление Советской власти на Байкале в 1918 году, Кудашову И.Г. и 75 другим».

Илья Григорьевич Кудашов — местный житель. Здесь жили его родители Григорий Иванович и Аграфена Ивановна. Родился он на станции Байкал в 1899 году. Детские годы Ильи прошли в посёлке. В 1916 году Илья поступил на курсы радистов. После их окончания, работал он на станции Байкал. Был активным борцом, участником партизанского движения. В памятный день 16 июля 1918 года, когда Красная Армия отступала, на станции Байкал скопилось много эшелонов, среди них находился и бронепоезд с телеграфом, где работал Илья Григорьевич, тот самый бронепоезд, который отступил, но, пройдя километр, сошёл с рельсов, так как они были разобраны. Тогда Илья со своим другом Сергеем погрузили на лодку аппарат и переплыли через Байкал на станцию Танхой.

Вот как рассказывает о погибшем сыне Аграфена Ивановна: «В 1917 году, в начале декабря, в Иркутске происходит борьба большевиков с Временным правительством и с частями белочехов. Мой сын Кудашов Илья работал телеграфистом на ст. Байкал. Не задумываясь, Илья перешёл на сторону большевиков. В телеграфе он один выполнял распоряжения большевиков. При его содействии в Иркутск была вызвана из Лиственичной красная рабочая дружина, которая помогла завершить победу над Временным правительством. Все телеграфисты были возмущены поведением моего сына, который перешёл на сторону большевиков. Несмотря на провокации, он оставался организатором большевиков на ст. Байкал. В мае 1918 года, когда Советская власть подавляла восстания эсеров, меньшевиков, вмешались иностранцы, они пытались совершить переворот. Отряд Красной гвардии под руководством Дранова был вызван из Листвянки и со ст. Байкал в Иркутск для подавления мятежа. Кудашов тоже участвовал в этом бою. В июне 1918 года чехословацкие войска восстали на станции Байкал. Несколько дней вёлся бой. Мой сын не спал ночами, жил в штабе и на телеграфе, командовал боями. Позже, когда чехам удалось захватить станцию, Илья переплыл через Байкал и был отправлен в Читу. По возвращении из Читы был схвачен белыми по предательству старого знакомого и на станции Танхой был расстрелян как комиссар-большевик. Через четыре года тело сына было выкопано и перевезено в п. Байкал...»

Значит, Кудашов был похоронен в братской могиле посёлка лишь спустя четыре года после того, как она появилась.

В семье Григория Ивановича и Аграфены Ивановны было семеро детей. Самый младший родился уже после смерти брата-героя, и его называли Ильёй в честь погибшего брата. Младший Илья всю жизнь прожил в порту Байкал, где и умер в 1982 году. А его сын, Григорий Ильич, и сейчас живёт в доме, где родился первый Илья — герой Гражданской войны, где жил его отец, Илья Григорьевич. И младшего сына Григория Ильича тоже зовут Илья Григорьевич. На улице, где находится дом Кудашовых, стоит школа, где учился первый Илья и где потом училось не одно поколение Кудашовых. И улица, и школа носят имя Ильи Григорьевича Кудашова. Блок-пост, находившийся в семи километрах от посёлка, тоже назывался блок-постом Кудашова. Достоверно не известно, в честь Ильи Григорьевича называли его или нет, но наверняка — да.

В бою на станции Байкал погиб Василий Борисович Касьянов, комиссар, именем которого названы улица в Иркутске и посёлок Касьяновка в Черемховском районе, о чём рассказали журналисты иркутской газеты «Пятница», задавшиеся целью установить, в честь кого названа улица в Свердловском районе Иркутска, и провели целое расследование. Автор статьи говорит, что до революции в этой части Иркутска была всего одна длинная улица Могилевская, которой после революции было присвоено имя Касьянова. Выяснилось, что Василий и жил на улице, которая после его смерти была названа его именем.

Илья Григорьевич Кудашов

Ещё одна статья была написана о Касьянове в 1961 году в газете «Восточно-Сибирский путь». Автор статьи «Отважный машинист» Дмитрий Мушников рассказал, что Василий Касьянов в порту Байкал вёл бронепоезд, прикрывающий отходившие части красногвардейцев, и спас многие жизни, но сам был схвачен врагами и расстрелян на станции. Очерк, посвящённый Касьянову, есть и в сборнике «Революционный подвиг сибиряков», вышедшем в Иркутском книжном издательстве в 1972 году.

Василий Борисович родился в Донбассе, работал на заводе в Луганске. За революционную деятельность в 1901 году был отправлен в ссылку на станцию Зима Иркутской области. В Сибири работал кочегаром, помощником машиниста, затем машинистом. Принимал активное участие в зиминских и иркутских забастовках 1905-1906 годов. А в следующем 1907 году вступил в партию большевиков. В 1915 году он уехал в Петроград, где занимался революционной деятельностью. Там он и встретил революцию. В 1918 году он снова в Иркутске. Во время восстания чехословацкого корпуса Василий Касьянов руководил эвакуацией красногвардейцев из Иркутска. На станции Байкал белые окружили паровоз, на котором он ехал, ранили несколько человек и Касьянова в том числе, взяли его в плен и на станции Байкал расстреляли.

Василий Борисович Касьянов. Фото из сборника «Революционный подвиг сибиряков»

Сразу после кровопролития 16 июля итальянец Антонио Микеле Донателло (в России его звали Антоном Михайловичем), «отец» Иркутского кинематографа, создатель киностудии и, возможно, первый в городе кинооператор, снял на станции Байкал фильм «Расстрел комиссара Касьянова». Реклама фильма гласила: «Снимки с натуры последних политических событий в Иркутске. Ряд интересных картин и эпизодов — вступление чехословаков в город, разрушенные мосты, катастрофа на станции Байкал, вид станции Байкал после катастрофы и сражения, трупы красноармейцев и мадьяр после боя, портреты видных деятелей и труп комиссара Касьянова». В конце рекламы указано, что снимки сделаны самим Донателло. Цель фильма была, по всей видимости, запугать красных и вынудить отказаться от дальнейшей борьбы: Донателло сочувствовал белогвардейцам.

В газете «Пятница» говорится, что на показе фильма оказался сын Касьянова. В слезах он прибежал домой. А в доме в это время проводился обыск.

К сожалению, судьба фильма о Касьянове неизвестна.

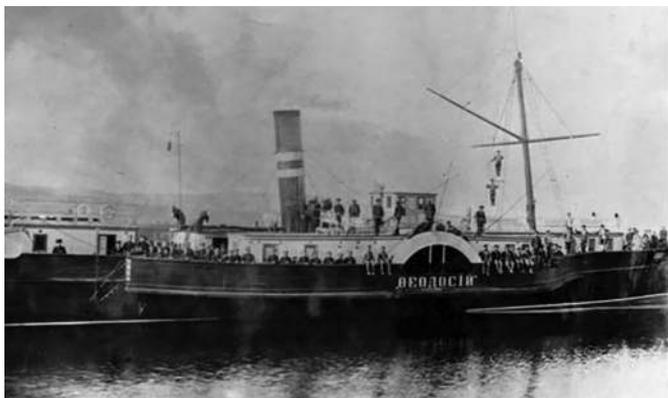
Похоже, что Донателло не раз бывал в порту Байкал и на Кругобайкалке, так как об этих местах у него сняты три фильма: «Кругобайкальская железная дорога», «О последних памятных событиях в Иркутске и на Байкале» (1918), «Осмотр новостроящихся тоннелей на Кругобайкальской железной дороге».

После взятия станции Байкал без больших потерь белогвардейцы захватили и Култук, что находится в 83 километрах от станции в южной оконечности Байкала. Анализ красными своих боевых действий был объективным и неутешительным: «Невыполнение ряда диспозиций командованием боевых районов, выразившееся

в несвоевременном занятии култукских укрепленных позиций, отсутствие разведки от станции Байкал, неразвитие действий из Лиственичного, невыполнение приказа об отходе войск 3-го района из Иркутска пешим порядком по Култукскому тракту дало возможность противнику взять инициативу в свои руки и повести наступление во всех путях, результатом чего явилось оставление нашими войсками Байкала и Лиственичного и захват противником господствующих высот на Култукском тракте».

А вот под Мурино, которое также находится на южном берегу Байкала, чуть далее Култука, белые потеряли до 250 человек убитыми и ранеными, что объясняется поддержкой бронепоездов и ледокола «Ангара». Чехословацкий военачальник Радола Гайда был потерями очень недоволен. О тяжёлом наступлении прапорщик Иркутского полка белых Н. И. Первушин сказал так: «Утром холодные и голодные, т. к. кухня осталась в Утулике, и мы ничего не ели три дня, стали наступать... «Ангара» открыла огонь прямо по нас. Стали наступать на мост. Заняли мост, выбив оттуда красных. После занятия моста красные отступили, забрав своих убитых и раненых».

В эти августовские дни у Мысовска в самом крупном морском сражении погиб легендарный «Байкал». 17 августа 1918 года около 10 часов вечера белочи на пароходах «Феодосий» и «Сибиряк» направились к Мысовску. К станции колёсный пароход «Феодосий», буксирующий две баржи с четырьмя гаубицами, подходил с севера, откуда красные ждали пароход «Лейтенант Малыгин», за него они в потёмках и приняли «Феодосий». Эта ошибка стала роковой для ледокола. К тому же, рядом не оказалось «Ангары». «Феодосий» успел подойти на расстояние пушечного выстрела, прежде чем на ледоколе поняли, что перед ними враги.

Пароход «Феодосий»

Белые открыли огонь из дальнобойных орудий по ледоколу «Байкал» и поездам, находящимся на станции. Красные тоже ответили шквальным огнём по пароходам «Сибиряк» и «Феодосий», но их снаряды цели не достигали. Огромный ледокол был весьма удобной мишенью для противника, имевшего дальнобойные орудия. К тому же, он был слабо вооружён и имел недостаточное количество боеприпасов. Но моряки «Байкала» были решительно настроены сражаться. Ледокол, руководимый капитаном Алексеевым, отошёл на три километра от берега и развернулся носовой частью к вражеским судам. Начался бой. Байкальская вода от снарядов взлетала в небо фонтанами высотой метров до пятнадцати. Вскоре белые пристрелялись, и один из снарядов попал в край носовой части ледокола, а затем ещё один разбил рулевое управление корабля. Уходить в море было нельзя,

тем более что на судне находились 64 бочки горючих и смазочных материалов, а палуба была заполнена 960 тоннами каменного угля, и в случае пожара гибель судна была бы неминуемой. Кое-как управляя ледоколом, красные с горечью в сердце пошли в спасительную гавань. Как только удалось довести осыпавшийся снарядами «Байкал» до пристани Мысовска, сразу начали тушить паровые котлы. Но пожар становился сильнее, и команда стала покидать корабль под ещё более усиливающимся огнём противника.

Большое впечатление произвела гибель ледокола «Байкал» на командующего Байкальской флотилией комиссара Л.М. Власова. Вот какой увидел он эту печальную картину: «В этот момент артиллерийский обстрел с вражеского парохода усилился. Один снаряд попал в нефтехранилище, находившееся рядом с паровозным депо: нефть загорелась, разбрасывая далеко вокруг огненные языки. Следующий снаряд попал в середину палубы ледокола «Байкал» и разорвался внутри деревянной надстройки. От взрыва мгновенно вспыхнуло горючее, смазка, уголь — и верхняя деревянная часть корабля запылала: от жары на расстоянии 50 метров обжигало кожу на лице и руках. Наша попытка потушить возникший пожар со стоящего в гавани судна «Кругобайкалец», оборудованного пожарным насосом мощностью 75 лошадиных сил, оказалось безуспешной, струи воды не достигли корпуса ледокола, а пожар все усиливался».

А вот как говорит о прощании с погибающим судном красноармеец А.А. Авдеев: «Последний раз посмотрел на «Байкал». Сухой, как порох, горит пароход, рвутся оставшиеся на носу снаряды и гранаты, как сухие орехи, лопаются патроны, еще более увеличивая силу огня. Самопроизвольно гудит гудок, напоминая рев лесного зверя. По коже пробегает мороз от этого жуткого зрелища».

Все деревянные конструкции ледокола выгорели, осталось одно железо. Он, обгоревший, с покорёженными трубами, беспомощно накренившись, год стоял в Мысовске, пока следующим летом его не отбуксировали в родной порт Байкал. Там полузатопленный печальный гигант стоял несколько лет и приковывал взгляды проезжающих по Кругобайкальскому участку Транссиба. Затем его судьба была предрешена. В порт прибыла бригада, которая провела работы по демонтажу оборудования и резке автогенном корпуса, после чего от ледокола осталось только днище высотой около двух метров. Потом съехалось огромное число людей, закатали под днище брёвна и с помощью лебёдок останки судна подняли на берег, вдоль которого идёт Кругобайкальская железная дорога. Там корпус разрезали на части, которые сразу грузили на железнодорожные платформы и отправляли на переплавку.

О судьбе легендарного парома рассказал в своих воспоминаниях капитан ледокола «Ангара», старейший работник порта Байкал, Георгий Васильевич Лазо. Он пишет: «После того, как закончилась Гражданская война, из сгоревшего ледокола «Байкал» откачали воду, и ледокол «Ангара» совместно с пароходом «Шмидт» привели его в порт Байкал. В порту он простоял до 1926 года. Не один раз я его осматривал. С виду он был нормальным, только упала у него одна труба и один раструб, но внутри вся деревянная надстройка была сгоревшей. Котлы и машины были целые. В то время порт входил в состав Байкало-Селенгинского пароходства... Вопрос стоял о продаже ледокола «Байкал» в утиль в Уралметалторг в Челябинский тракторный завод и о закрытии судовой верфи в Лиственничном. Много было бурных собраний рабочих, протестовавших против закрытия завода, но начальство настояло на своём. Ледокол «Байкал» изрезали на металлолом, сколько

можно было обрезать в порту Байкал, потом перевели работы в Лиственичное. Подтаскивали на берег и резали в утиль. Закончили резку в 1930 г.... Четыре из его пятнадцати котлов долгие годы ещё использовались на старом кожевенном заводе и в котельной грузового автопредприятия № 2 в Иркутске».

Так закончилась жизнь славного англо-байкальского гиганта-корабля, в который было вложено много средств, сил, труда. Его с любовью построили в Англии, собрали и испытали в Ла-Манше, затем разобрали и отправили в Петербург. Из города на Неве его доставили по железной дороге в Красноярск. А дальше всё было ещё намного сложнее. Часть деталей отправили на баржах по Енисею и Ангаре, другую часть — гужевым транспортом в разобранном виде. Были на пути участки большой сложности. Огромным препятствием стал Падунский порог на Ангаре. Для его преодоления в тайге была построена обходная железная дорога длиной два с половиной километра. Тяжёлые части корабля вручную (что требовало нечеловеческих усилий) перегружались с барж в вагоны, а после их транспортировки по обходной дороге, их снова перегружали на баржи. С величайшими трудностями доставили из Англии в Лиственичное 150 000 пудов частей корабля, на что ушла половина денег, потраченных на строительство ледокола. А на судовой верфи Лиственичного сборкой ледокола занималось 420 человек, большинство из которых приехало из Петербурга. И понятно, что спуск на воду «Байкала», современного корабля с двойным дном, построенного из лучшей сименс-мартеновской стали, стал грандиозным празднеством. И так жаль, что хватило одного снаряда, чтобы уничтожить этот замечательный корабль, общее великое многолетнее дело англичан и русских, международную гордость! Вот уж точно говорится, «ломать не строить!»

Англичане, вложившие в «Байкал» много труда, гордившиеся тем, что построили второй в мире по размерам и грузоподъёмности ледокол, после его гибели открыли у себя музей этого корабля-великана и не хотели верить в то, что его распилили на куски. Их больше устраивала версия некоторых жителей Мысовой, согласно которой судно было потоплено и находится на байкальском дне.

18 лет прослужил людям паром-ледокол. Помогала ему во всех делах «Ангара», также в разобранном виде привезённая из Англии. Она тоже была не из слабеньких: могла перевозить 160 человек и 10 вагонов груза. А во время Русско-японской войны ледокол перевозил до 1000 человек за один рейс. До того, как сомкнулись рельсы Кругобайкальской дороги, «Ангара» вместе с «Байкалом» ежедневно совершали по два рейса через Байкал. И всегда спешили в родной порт, на свет маяка, который служил пароходам ориентиром в зимних и летних туманах, столь частых на Байкале. Делали ледоколы воистину великие дела. Только с 1900 по 1909 годы ледоколы перевезли 1 460 998 человек, 188 828 животных, 1 864 паровозов, 2 434 классных разных вагонов, 100 984 гружёных товарных вагонов, 8 935 воинских повозок и великое множество другого груза. И сколько бы больших дел они могли бы ещё сделать вместе!

Именно «Ангаре», неизменной спутнице и соратнице «Байкала», досталась скорбная миссия вести своего сгоревшего «брата» в родной порт на окончательное уничтожение... И вскоре после этого она, вооружённая четырьмя морскими дальнобойными орудиями, стала флагманом Байкальского отряда боевых судов...

Обгоревший ледокол «Байкал» в порту Байкал

К сожалению, не только люди, хорошо друг друга знавшие, выросшие на одной земле, становились злейшими врагами, но и корабли, приписанные к одному порту, делающие общее дело, не раз выручавшие друг друга из беды, оказались по разные стороны баррикад и стреляли друг в друга на поражение...

Решающее сражение летом 1918 года произошло под селом Посольским, что находится на юго-восточном берегу Байкала. Это село, наверное, известно не только жителям Прибайкалья, так как оно связано с именем протопопы Аввакума. Недалеко от села находится один из старейших памятников Забайкалья — Посольский Спасо-Преображенский монастырь, основанный в 1682 году. А в Посольском в ознаменование начала пути Аввакума по Забайкалью установлен крест с мемориальной доской.

Мне и моим землякам это сражение интересно ещё и потому, что в нём принимали участие наши байкальские суда.

Посольское находилось в глубоком тылу красных. Добраться до него было непросто. Мощную линию обороны красные построили на станции Танхой. На правом фланге — высокие горы, а левый надёжно охраняли пароходы «Байкал», «Ангара» и «Кругобайкалец». Понимая, что атаки приведут к большим потерям, было решено высадить десант в Посольское, где белых совсем не ждали.

Карта южной части Байкала

15 августа 1918 года белые с судов «Феодосий», «Сибиряк» и «Бурят» совершенно неожиданно для противника высадили у Посольского монастыря (в глубоком тылу красных) десант численностью 900 человек во главе с начальником шта-

ба Восточного фронта подполковником Борисом Фёдоровичем Ушаковым, участником Первой мировой и Гражданской войн и одним из самых видных участников свержения советской власти в Поволжье и Сибири. Он как мог подбадривал солдат при переправе в бурю через Байкал. И пароходам, потрёпанном штормом, удалось дойти до противоположного берега, дойти незамеченными.

Ушаков приказал бойцам выдавать себя за красногвардейцев. И операция по захвату станции в Посольском была блестящей, её взяли без боя. Но контрастности красных отразить не смогли. Хотя 50 эшелонов красных оказались в ловушке, красные в три раза превосходили войска противника в численности и подтягивали подкрепления. Белые тоже получили подкрепление со станции Байкал, но красные наседали. Ушаков поехал на дрезине, надеясь дать отпор большевикам у станции Боярская, но красные схватили его и адъютанта и убили их. Тела их искололи штыками, головы разбили прикладами. Затем их облили керосином и сожгли. И конечно же, на следующий день, когда красные части были разгромлены, пленных большевиков Радола Гайда приказал расстрелять. Жестокость была в ходу и у белых, и у красных: «око за око, зуб за зуб!»

Борис Фёдорович Ушаков

Красные войска, отрезанные высадившимися у Посольского монастыря белыми, потеряли управление. Немногочисленные силы десанта, однако, не создали плотного кольца, и часть красных сумела пробиться на восток или уйти на юг через хребет Хамар-Дабан. Революционер-большевик, член ЦИК Советов Сибири, Валентин Владимирович Рябиков писал: «Метелица был убит, никакого командования не было, каждый думал лично о себе... Бои под Посольской по упорству, по количеству крови превосходили бывшие до сих пор. Из 3000 человек, пытавшихся пробиться через Посольскую, успеха добились 200 интернационалистов, 200 читинских красногвардейцев и 25 анархистов».

Итак, 18 августа белогвардейцы под командованием полковника Анатолия Николаевича Пепеляева заняли станцию Посольская. Эта большая победа была оплачена большой ценой: под Посольской белые потеряли 122 человека убитыми и 330 ранеными.

А красные потерпели полный разгром и, как вспоминали старожилы, «трупы красных были везде» и «собраны были не все». Многих хоронили в безымянных могилах, растянувшихся от станции Посольской до Тимлюя. А в будущем эти захоронения попали под расширение железной дороги. Радола Гайда так говорил о значении победы под Посольской: «Взято 59 поездов со штабами, большими складами военного и медицинского снабжения, продовольствия». Неудача под Посольской стала последним и полным поражением красных на Байкале, о восстановлении фронта не могло быть и речи».

Таким образом, в ходе летних боёв 1918 г. Средне-Сибирский корпус под началом полковника А.Н. Пепеляева и части Чехословацкого корпуса под командованием Р. Гайды заняли всю Восточную Сибирь.

Анатолий Николаевич Пепеляев

Р. Гайда

8 сентября 1918 г. Пепеляев приказал начать переброску Средне-Сибирского корпуса на Уральский фронт. В приказе говорилось: «После жестоких боев под Мурино, Танхоем, Мысовой и Посольской, закончившихся полным поражением большевиков и мадьяр и очищением всего Забайкалья, войска Средне-Сибирского, совместно с чехословаками, победно вступили в Читу. Жалкие остатки противника бежали на Амурскую железную дорогу и Троицкосавск. От лица службы благодарю бойцов за беззаветную храбрость. Впереди нас идет победа, ибо, воодушевленные любовью к Родине, мы не можем не победить. Благодарная свободная Россия не забудет погибших сынов своих, покрывших себя славой на далеких полях Сибири... Пепеляев».

После того, как антибольшевистские силы заняли Восточную Сибирь, красногвардейцам пришлось покинуть Байкал больше, чем на год. По воспоминаниям жительницы порта Байкал Александры Ивановны Могилевой, здание школы занимали в царское время и в период Гражданской войны белогвардейцы. Чехи жили в теплушках на железнодорожных путях. Пассажирские и товарные поезда ходили редко, так как пути были заняты. Как говорила старожилка, жизнь была тяжёлой, и в немалой степени из-за того, что здесь свирепствовали чехи. Но власть белых оказалась недолгой.

Лето 1918 года принесло успех белым не только в Сибири. Красных отбросили за Урал и очистили от них всё северное Семиречье. В сентябре и октябре Сибирская армия медленно теснила красных к Перми, а затем перешла в решительное наступление и разгромила 3-ю армию красных, захватив огромные трофеи.

Начало 1919 года тоже было для белых успешным. В январе–феврале Сибирская армия отразила контрнаступление советских войск, сделавших попытку вернуть Пермь. В марте Сибирская армия нанесла тяжёлое поражение 2-й и 3-й красным армиям и прорвала фронт, в результате чего были захвачены Оханск и Оса, а в апреле Сарапул, Воткинск и Ижевск. Сибирцы вышли к Казани.

В июне сибирцы захватили Глазов и... спешно отошли в Зауралье. Это случилось из-за отступления Западной армии. Больше громких побед Сибирской армии не было. В октябре 1919 г. началось отступление белых армий Восточного фронта адмирала Колчака с реки Тобол.

Блестящую операцию провел в ночь на 14 ноября 242-й Волжский стрелковый полк Рабоче-крестьянской Красной армии. Никем не замеченные бойцы переправились по льду на восточный берег Иртыша, их появление было для белых совершенно неожиданным, и красные без единого выстрела захватили станцию города Омска. А затем, почти не встречая сопротивления, без боя взяли город. 2-я и 3-я армии белых отступили к Новониколаевску и Томску.

После оставления белыми Омска 14 ноября 1919 г. началось безостановочное отступление из Западной Сибири в Забайкалье, впоследствии названное Великим Сибирским Ледяным походом. Отступление частей Русской армии, возглавляемых генералом Владимиром Оскаровичем Каппелем, пользующимся безграничным авторитетом в Сибирской армии, было очень тяжёлым. Воспользоваться железной дорогой бойцам в своей стране не довелось: её захватили чехи, и она была забита чешскими эшелонами. Чехи опубликовали меморандум, в котором говорилось, что они не пропустят на восток ни один русский эшелон, пока не закончат эвакуацию собственных эшелонов. И Сибирская армия была вынуждена начать пешее отступление. Бездорожье, глубокие снега, сильные морозы, эпидемия тифа, непрерывные бои, нехватка продовольствия и патронов — всё это сделало путь в тысячи километров тяжелейшим, почти невыносимым. Всё что было обременительного — военная амуниция, пушки — было оставлено по дороге. Ехали на измученных лошадях с одними ружьями. Сильное желание выжить заставляло каппелевцев входить в деревни и отбирать у крестьян продуктовые запасы, тёплые вещи и лошадей. Конечно же, никакого колчаковского золота, о котором и в наши дни много говорится, не могло у каппелевцев быть, у них просто не было возможности его везти. Золотом была для них жизнь, которую смогли сохранить далеко не все. Из 150-тысячной армии Колчака за Байкал дошли 25-30 тысяч человек, из них более 10 тысяч было больных и раненых.

Остановилось на декабрьском мятеже Барабинского полка в Новониколаевске. По сей день он остаётся одним из самых значительных событий в этом городе. Его называют Ивакинским мятежом, и связан он с именем того самого Аркадия Ивакина, под руководством которого белыми в июле 1918 г. была одержана блестящая победа в порту Байкал.

Следует сказать, что подпольные центры эсеров тогда были созданы во многих крупных городах, и управлялись они единым центром, который разработал план всесибирского восстания против Колчака в этих городах.

После падения Омска большие надежды белогвардейцев были связаны с Ново-Николаевском. Здесь белые имели возможность остановить дальнейшее продвижение советских войск и укрепить режим Колчака. В город прибыли 1-й Новониколаевский и 2-й Барабинский полки и другие подразделения 1-й Сибирской дивизии. Но 7 декабря 1919 года произошёл мятеж эсеров против режима Колчака, которого они считали узурпатором: Верховным правителем он стал после переворота в Омске в 1918 г., захватил власть, за которую так боролись эсеры. И вот теперь они решили восстановить справедливость. Подпольным центром мятежников руководил эсер Евгений Николаевич Пославский, а за военную часть мятежа отвечал командир 2-го Барабинского Сибирского стрелкового полка Аркадий Васильевич Ивакин, авторитетный и храбрый молодой полковник. Целью восстания было по возможности мирным путём взять власть в городе и сдать его также мирно Красной армии, стоявшей в 20 верстах, чтобы не допускать большого кровопролития. К тому времени эсеры уже нашли взаимопонимание в вопросе свержения власти Колчака и с большевиками, и с чехами.

Восстание ставило целью свергнуть режим Колчака, а затем предложить большевикам создавать новое совместное государство — всероссийскую демократическую республику.

Новониколаевский мятеж и эсеровские восстания по всей России стали одной из главных причин поражения режима Колчака и белой армии на восточном фронте.

В ночь с 6 на 7 декабря восставшие захватили военный городок, комендатуру, почту, телеграф, тюрьму и освободили всех заключенных. Взяв город, Ивакин объявил о прекращении борьбы с большевиками и отдал власть «Комитету спасения Родины», который тут же и был создан. (Как бы удивились, узнав всё это, бойцы-красноармейцы, против которых беспощадно воевал в порту Байкал Ивакин.)

Восставшие допустили роковую ошибку, из-за которой мятеж был подавлен: они не отключили телефоны и телеграф штаба. И командарм С.Н. Войцеховский обратился за помощью к 5-й Сибирской дивизии польских стрелков, которая находилась недалеко от города и среагировала незамедлительно. Поляки быстро расправились с мятежниками. В бою было убито 19 офицеров и более 100 солдат. После подавления восстания Барабинский сибирский стрелковый полк был расформирован. Ивакин военным судом был приговорён к расстрелу. Есть три версии смерти Ивакина: по одной он был расстрелян, по другой убит при попытке к бегству, по третьей застрелился. По воспоминаниям участника заседания суда над Ивакиным в эшелоне командующего 2-й армией генерала С.Н. Войцеховского, полковник Ивакин был заперт в купе. К нему зашел генерал Семёнов и дал револьвер с одним патроном, после чего Семёнов вышел. Следом раздался выстрел... Полковник Ивакин застрелился.

А уже через неделю в Новониколаевск вошли части Красной армии, и началась новая история города, ставшего Новосибирском. В сквере Героев революции Новосибирска похоронены не только красноармейцы, но и белогвардейцы Барабинского и Новониколаевского полков.

Восточный фронт армии продолжал отступать, терпя непомерные лишения. Бойцы часто шли без пищи и сна и находились в подавленном состоянии. Каппель разрешил всем желающим покинуть армию, и её численность заметно сократилась.

И всё же была надежда отдохнуть и пополнить артиллерийские запасы в Красноярске. Но она рухнула, так как генерал гарнизона Бронислав Зиневич решил пойти на мир с большевиками. Каппель решил выбить из города Зиневича, рассчиты-

вая на помощь чехов, находящихся в городе. Но помощи чехов белогвардейцы не получили и, неся большие потери, обошли Красноярск и двинулись на восток.

А дальше войска ждал тяжелейший и опаснейший участок пути по реке Кан. Мороз, толстый слой снега на реке, а под ним горячие источники. Бойцы проваливались в скрытые под снегом полыньи. Многие, утратив последние силы, остались лежать на льду реки. Генерал Каппель провалился под лёд и схватил воспаление лёгких и отморозил ноги, их в сложных условиях перехода ему ампутировали. Но он продолжал руководить войсками и находиться в седле.

Владимир Оскарович Каппель

24 декабря в Иркутске, в предместье Глазково, произошёл мятеж Политцентра. Военные силы повстанцев в количестве 3 000 человек, возглавляемые комиссарами от Политцентра, были названы Народно-Революционной армией. У мятежников было 4 самолёта, 50 орудий, 20 бомбомётов, большое число пулемётов, две с половиной тысячи винтовок.

Части, оставшиеся верными Колчаку, находились на противоположном берегу Ангары. Так как понтонный мост унесло ледоходом, а пароходы контролировались союзниками, начальник гарнизона генерал-майор Сычёв уведомил союзников о планирующемся артобстреле казарм восставших. Но французский генерал Морис Жанен, в планы которого обстрел не входил, заявил, что огня не допустит, в противном случае пригрозил ответным обстрелом и объявил полосу с восставшими нейтральной. Спорить с ним не имело смысла, под Иркутском было около 5000 чехов...

Почему, казалось бы, так странно повёл себя Жанен, начальник французской военной миссии при Российском правительстве адмирала А. В. Колчака, главнокомандующий чехословацкими войсками в России? Почему он способствовал декабрьскому восстанию против Колчака в Иркутске? Почему он и чешский генерал Ян Сыровы, его подчинённый, санкционировали выдачу Колчака Политическому центру (а Ян Сыровы непосредственно и выдал), что и привело к расстрелу адмирала? Почему ранее он гарантировал адмиралу безопасность, давал ему слово офицера. И почему потом офицерское слово нарушил?

Морис Жанен

Во-первых, Колчак в первую встречу с Жаненом отказал французскому генералу в командовании русскими войсками в Сибири. А Жанен имел предписание от Антанты вступить в командование всеми войсками (и русскими в том числе). Но Верховный правитель заявил, что он скорее откажется от иностранной помощи вообще, чем согласится на это. И, само собой, отношения между Колчаком и Жаненом после этой встречи были натянутыми. А затем Жанен занял враждебную позицию к Колчаку, да и к белому движению вообще. Во время отступления из Омска Жанен предложил Колчаку взять под международную охрану золотой запас Российской империи и транспортировать его во Владивосток. Колчак расценил это условие как непомерно высокую

плату союзным войскам за помощь и сказал: «Я вам не верю. Золото скорее оставлю большевикам, чем передам союзникам».

Скорее всего, эти слова и стоили ему жизни.

В самом начале 1920 года, в тяжёлое время отступлений и политического кризиса, Колчак передал полномочия Верховного правителя Деникину, а «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской восточной окраины» — Семёнову. И сделал это вовремя. 21 января в Иркутске чехословаки выдали большевикам Колчака. 23 января в захваченном белыми Нижнеудинске на совете штаба армии было принято решение брать Иркутск штурмом и освободить Колчака. 26 января, передав управление войсками генералу Войцеховскому, умер Каппель. Его тело белогвардейцы вывезли с собой. А 7 февраля был расстрелян Колчак.

Александр Васильевич Колчак

Войцеховский, заменивший Каппеля, не стал продолжать начавшийся штурм Иркутска. Каппелевцы, как говорится во многих документах, обошли Иркутск и направились в байкальский посёлок Большое Голоустное, чтобы перейти Байкал и попасть на станцию Мысовая, где надеялись встретиться с войсками атамана Семёнова.

О семёновцах и их предводителе скажу немного позже. А сейчас хочу ещё раз вернуться к восстанию. Политцентр объявил о своей победе и о том, что власть в Иркутске переходит к городским думам и земским собраниям. А Колчак и его сторонники были объявлены врагами народа.

Немного ранее, сразу после начала восстания колчаковцы арестовали подозреваемых в его подготовке. Но тем временем власть уже всецело перешла к Политцентру. И белогвардейцам пришлось покинуть Иркутск и направиться к Байкалу в распоряжение генерала Леонида Николаевича Скипетрова.

С собой они взяли и арестованных мятежников, тридцать одного человека.

Преодолев 25 километров пути, белогвардейцы остановились на ночлег в деревне Корытово в ожидании переправы на другой берег, на станцию Михалёво. О том, как прошла переправа, рассказал в своём дневнике полковник Иосиф Ильин: «Но вот слышны отдалённый гул и свисток, эхом разносящийся по сопкам. Пароход. Все выскакиваем на воздух. Морозно. Занимается мутное, белёсое утро, шуршат, наскაკивая друг на друга, льдины, влево в облаках дыма и пара, хлопая колёсами, ползёт пароход. Слава Богу. Голову начинает сверлить другая мысль: а вдруг не доползёт — опасно озираешься на кручу сопки. Но вот и пароход. Он с трудом пристаёт к берегу, начинается погрузка. По сходням вводят лошадей, потом вкатывают автомобили, экипажи, начинают грузиться моряки... Минуты кажутся часами. Но вот и берег. Тянется спасительная полоска железной дороги, виднеются станционные постройки, на путях стоит новенький великолепный поезд — это сам Скипетров. Вот где спасение, наконец-то... Идём к поезду Скипетрова. Вот и его вагон — новенький, свежескрашеный в оранжевую краску пульмановский вагон... Вид у нас у всех просто ужасен. В папахах, грязных полушубках, я с винтовкой за плечами, небритые, с испытанными усталыми лицами... Прохожу несколько шагов вперёд к первому купе, заглядываю и, поражённый, не могу оторвать глаз. В большом купе с разобранной перегородкой устроен чудесный будуар-спальня. Туалет, большое зеркало, ковры на полу и по стенам и большая великолепная двуспальная кровать. А на кровати, подобрав ноги, сидит молодая интересная женщина в галифе, в жёлтых сапогах со шпорами и с георгиевской розеткой в петлице...»

В порту Байкал заключённые попали под охрану семёновцев, прибывших сюда раньше. Вечером 6 января на ледоколе «Ангара» вместе с заложниками они пошли в направлении Лиственничного. Всю ночь семёновцы пьянствовали. А утром устроили зверскую расправу с пленными. Их по одному выводили в салон и приказывали раздеться до нижнего белья. Предлагали подписать документ, что

с ними хорошо обращались, обещали их освободить. А после подписания бумаги, их, раздетых, выводили на палубу в лютый мороз. Одних избивали для развлечения. Других палач сразу бил по голове большой деревянной колотушкой с длинной рукояткой, предназначение которой было отбивать лёд с корабля. Не все сразу умирали от страшного удара по голове, и их, живых, сбрасывали с ледокола в ледяные, застывшие байкальские воды. Массовое убийство (был убит 31 человек!) продолжалось около часа. Штабс-капитан Черепанов, участвовавший в расправе, говорил, что ледокол «Ангара», ломающий толстый лёд, заглушал все звуки и крики из салона.

Слухи об убийствах на «Ангаре» дошли до Иркутска только через несколько дней. Когда генерал Жанен поинтересовался у Семёнова судьбой заложников, тот сказал, что никто из них не был расстрелян. И в этом он не обманул генерала. Вот только о казни и о том, какой жестокой она была, атаман не сказал ни слова.

В числе зверски убитых оказались видные эсеровские деятели: Б.Д. Марков, П.Я. Михайлов, Н.П. Петров, Я.Ф. Терещенко, М.П. Храбров и Я.Я. Аунен и учитель П.С. Окладников, отец выдающегося сибирского историка, академика А.П. Окладникова.

Иркутяне были глубоко возмущены этим преступлением, оно породило у них жажду мести. И месть состоялась: трое участников расправы были впоследствии расстреляны по приговору Иркутского губернского ревтрибунала.

Намного позже, в 1946 году, пришло возмездие и самому Семёнову за множество злодеяний, за зверские расправы его банд не только с красногвардейцами, но и с мирным населением.

В Троицкосавске Забайкальской области семеновцами был организован застенок, в котором во множестве жестоко истреблялись те, кого они считали «неблагонадёжными». Только в городской тюрьме были расстреляны полторы тысячи человек. Многие узники погибли от голода и болезней. Сотни людей были расстреляны под видом «очищения» заключённых от красных. 200 лежачих больных были заколоты штыками и изрублены шашками.

Три тысячи человек были расстреляны на станции Андриановка. Трупы пришлось вывозить в сорока вагонах.

Вот судебные показания бывшего начальника казачьего отдела семёновской армии Власьевского, руководившего репрессиями против населения:

«Об Унгерне ходили легенды. Он был очень жесток. Не щадил ни женщин, ни детей. По его приказанию уничтожалось население целых деревень. И сам он лично с наслаждением расстреливал обреченных на смерть. Таким же жестоким был и начальник особой карательной дивизии семеновской армии генерал Тирбах. Штаб его дивизии находился в местечке Маковееве. Там Тирбах и вершил свой скорый и страшный суд. О маковеевских застенках население Забайкалья до сих пор вспоминает с ужасом. Зверские расправы чинили и командиры карательных отрядов Казаков и Чистохин. Однажды насильственно мобилизованные казаки, не желая служить Семенову, убили своих офицеров и перешли к партизанам. Вскоре в их станицу прибыл отряд Чистохина. Были собраны все старики станицы, их запрягли в сани и приказали везти убитых офицеров на кладбище. Там стариков расстреляли, а станицу сожгли».

А вот диалог прокурора и Семёнова на суде:

Прокурор: Какие конкретные меры вы принимали против населения?

Семенов: Меры принудительного характера.

Прокурор: Расстрелы применялись?

Семенов: Применялись.

Прокурор: Вешали?

Семенов: Расстреливали.

Прокурор: Много расстреливали?

Семенов: Я не сумею сейчас сказать, какое количество было расстреляно, так как непосредственно не всегда присутствовал при казнях.

Прокурор: Много или мало?

Семенов: Да, много.

Прокурор: А другие формы репрессий вы применяли?

Семенов: Сжигали деревни, если население оказывало нам сопротивление.

Атаман Семёнов

В рапорте акшинского уездного комиссара от 27 декабря 1918 года указывалось, что по прибытии в Акшу особого экспедиционного отряда семёновцев, штаб-ротмистр Тонков затребовал от уездной следственной комиссии списки лиц, служивших в Красной Армии. Оказавшихся в этом списке семеновцы пороли нагайками. Многие получили до двухсот ударов и были изувечены. После пьяных оргий семёновцы насильвовали женщин, хватали первых попавшихся на глаза мужчин и рубили их шашками для потехи. У местного населения они отбирали всё самое необходимое: продукты, тёплые вещи, лошадей. Семёновцы отбирали вещи и продукты и у жителей порта Байкал, о чём также сказала Александра Могилева.

В начале января 1920 года чехи безжалостно расправлялись с белыми по приказу Мориса Жанена, который обвинил семёновцев в обстреле

своего поезда 7 января, произошедшем на участке Иркутск — станция Байкал, между Кузьмихой и Михалёво. На станции Подорвиха, что находилась в 14 км от станции Байкал, чешским бронепоездом «Орлик» были захвачены два белых бронепоезда. Чехи расправились с семёновцами и в Михалёво. 9 января на станции Байкал внезапно чехи разоружили семёновский гарнизон, штаб генерала Л.Н. Скипетрова и эшелон пехоты. Они забросали гранатами бронепоезд, убили 15 человек и ранили 20, а Скипетрова взяли в плен.

Вот как вспоминал этот день Семёнов: «9 января, на второй день праздника Рождества Христова, части генерала Скипетрова были предательски разоружены чехами на станции Байкал. До какой степени нападение чехов было предательским, показывает тот факт, что представители чешского командования за два часа до нападения были с визитом у генерала Скипетрова и заверяли его в своей лояльности. Конечно, генерал Скипетров никак не мог предполагать такого вероломства со стороны «братьев-чехов» и не принял надлежащих мер предосторожности. Нападение на наши эшелоны чехи совершили в 12 часов дня, когда солдаты обедали. Я был в курсе всех событий под Иркутском, но не был в состоянии предпринять что-нибудь против чехов, ввиду того, что штабом генерала Жанена было доведено до моего сведения, что, если я допущу перерыв железнодорожно-

го сообщения и доведу дело до вооружённого столкновения с чехами, союзники будут действовать против меня единым фронтом. Несмотря на это, я всё же привёл в боевую готовность все силы читинского гарнизона и предъявил чешскому командованию требование о пропуске на восток поезда Верховного правителя и об освобождении захваченных чехами офицеров и солдат отряда генерала Скипетрова. Не имея возможности оказать давление на чехов на линии дороги, я взял под угрозу обстрела командующего чешскими войсками генерала Сырового, но, к сожалению, мог добиться только частичного успеха — освобождения чинов отряда Скипетрова. Несмотря на то, что представители японского командования в Иркутске предлагали генералу Жанену взять на себя охрану поезда адмирала Колчака и гарантировали безопасность его как в самом Иркутске, так и в пути следования его на восток, Жанен предпочёл предать адмирала в руки красных. Как известно, Жанен и чехи сбросили маски ещё в Нижнеудинске, когда адмиралу было предложено перейти из его поезда в вагон с чешской охраной. В Нижнеудинске адмирал отчётливо понял, что он предан теми, кому он верил, что представитель «благородной и благодатной Франции» генерал Жанен и командующий чешскими войсками Сыровой решили взять на себя роль коллективного Иуды».

Семёнов был возмущён предательством чехов в порту Байкал, но сам он был к чехам тоже не очень лоялен. 8 января, здесь же, в порту Байкал, Семёнов потребовал от чехов отдать ему 300 обустроенных теплушек, в которых жили легионеры. И можно представить, как головорезы Дикой дивизии Семёнова попытались осуществить требование атамана.

Разоружённые воины Дикой дивизии Семёнова на станции Байкал

В бронепоезде белых «Разрушитель» было 10 пулемётов, две гаубицы и два трёхдюймовых орудия, установленных за стальной плитой и восемнадцатью дюймами бетона. Однако внезапная и вероломная атака бывших союзников не позволила им оказать сопротивления. Отряд Скипетрова находился в бронированном поезде на станции среди большого числа чехословацких поездов, непрерывно прибывающих с запада и подолгу стоящих на соседних путях. Их наплыв парализовал работу станции, забив все пути «буквально до отказа». В полдень, во время обеда, поезда семёновцев были неожиданно обстреляны чехами из винтовок и пулемётов. Как вспоминает очевидец: «Чехи со штыками наперевес бросились к вагонам, откуда выскакивали русские, ошеломлённые, не понимающие в чём дело, и не успевающие даже оказать сопротивления... Некоторые вагоны были

Л.Н. Скипетров

изрешечены пулями и ручными гранатами. Слабую попытку телеграфной роты, начавшей было отстреливаться из-за колёс штабного вагона Скипетрова, легко подавили. Через полчаса платформа станции Байкал представляла жуткую картину, длинные шеренги разоружённых русских воинов по 4 в затылок. На правом фланге генерал Скипетров, затем штаб и обер-офицеры и т. д. «Становись к стенке!» — кричали чехи, и тесные ряды русских воинов смело смотрели на дула выкаченных чехами пулемётов. Издевательству чехов не было предела.

Короткий бой на станции Байкал стал судьбоносным, он предопределил судьбу Колчака и его правительства, выданного чехами неделей позже в руки восставших. К сожалению, об этом бое известно не очень много, но зато в Чехословакии книг по этой теме очень много. Возможно, когда-нибудь нашим читателям удастся с некоторыми из них познакомиться.

О бое в порту писал и чех Йозеф Чарват, капрал 5-го полка русских легионов, бывший человеком талантливым. Ещё в Барнауле он начал вести необычный дневник с замечательными рисунками, представляющими большую ценность, и спустя годы изданный в Чехии. В России же дневник не издавался. Военная дорога капрала была полна нелёгких испытаний, а путь домой долог. Когда началась война, ему было 26 лет, и вернулся он с неё лишь через 5 лет.

С начала января и до середины февраля Йозеф нёс службу на станции Байкал. Здесь он наблюдал, записывал, рисовал.

Вот какую запись оставил Чарват в дневнике 12 января:

«Мы стоим на станции Байкал, которая находится в непосредственной близости от озера у истока реки Ангары. Рядом со станцией находится порт, в который сегодня прибыл корабль «Ангара» с меньшим катером «Кругобайкалец», потому что некоторые офицеры Колчака пытались бежать в Танхой, где наши уже их ждали, разоружили их и вернули сюда назад. С частями атамана Семенова мы на военном противостоянии. Я даже не знаю, как все было, но ещё

в Иркутске мы узнали о захвате «Семеновца» (бронепоезд — авт.) на ст. Байкал. Приехав из Иркутска, мы встретили на станции Михалёво два семеновских бронепоезда, которые были обстреляны нашим «Орликом», обезоружены и охранялись нашими. Только у нашего «Орлика» снаружи появилось небольшое повреждение и у экипажа броневика. В бою на Байкале сражался первый дивизион четвертого полка с гораздо более многочисленными врагами и двумя броневиками. Но было очень много наших парней, и с этим скоро справились, примерно через десять ми-

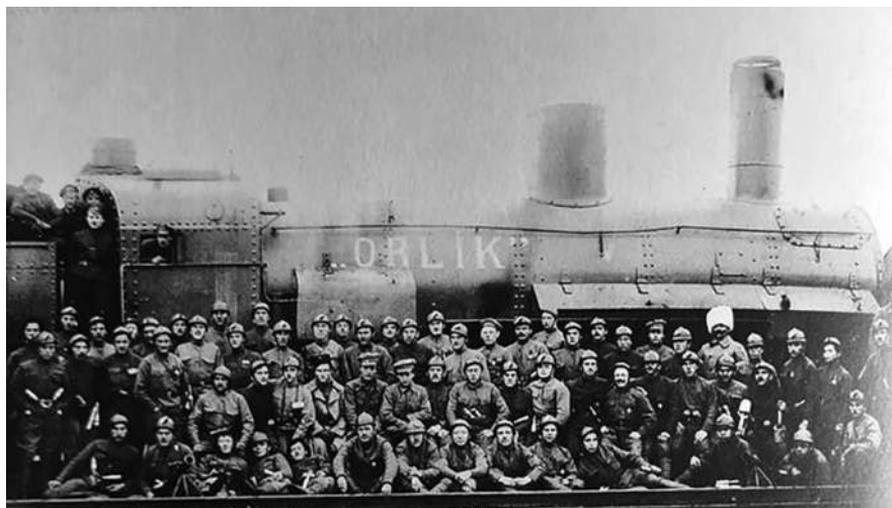
*Гора над Байкалом. Маяк. Чешские воины.
(Рисунок Й. Чарвата)*

нут все были разбиты и оказались в наших руках, то что готовили для нас семёновцы, а именно разоружение, стало их судьбой, и теперь они здесь как на охраняемых нами бойнях, безусловно, у них есть много времени, чтобы подумать о том, как это произошло. Среди пленных генерал со всем своим штабом. Мы уже знаем из всех новостей, что уже весь Байкал в наших руках, что очень важно, потому что семёновцы хотели нас здесь остановить».

«Орлик» — чешский бронепоезд, стоявший трёх семёновских, так как их конструкция была очень примитивной: они состояли из товарных вагонов и платформ, защищенных брёвнами и мешками с песком.

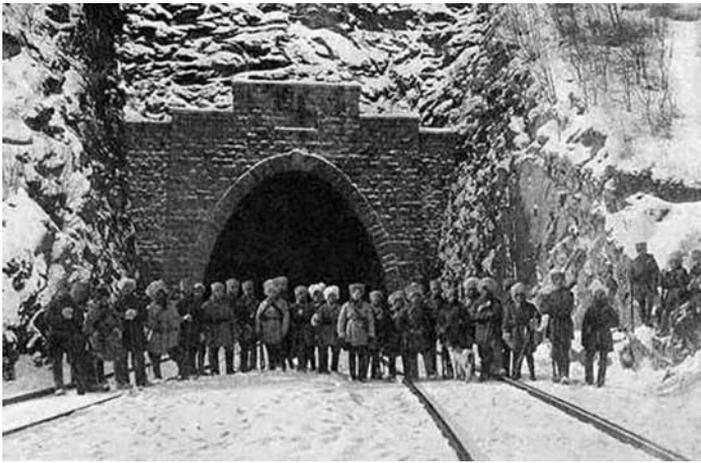
Станция Байкал. Исток Ангары.
(Рисунок Й. Чарвата)

Чешский бронепоезд «Орлик»

В этот же день чехи взяли под контроль железную дорогу от станции Михалёво до станции Мысовой. По донесению чешского оперативного штаба, были захвачены бронированный поезд, 1 поезд пеших солдат, кавалерия, артиллерия и 1 санитарный поезд; у Семенова 15 убитых и 15 раненых; в Маритуге взят в плен гарнизон и захвачен склад динамита; станция Култук захвачена чехами, семёновцы обезоружены, станция Слюдянка занята, захвачена артиллерия, железная дорога от Михалева до Мысовой очищена от семёновцев; войска Семенова на Байкале совершенно уничтожены и ликвидированы.

Под контролем чехословацких легионеров оказались 39 тоннелей Кругобайкальской дороги. Они были взяты под усиленную охрану, и можно было не опасаться, что банды Семёнова, угрожающие взорвать тоннели, осуществят угрозы. И действительно, пока Иркутск не покинул последний чешский эшелон, на дороге не было ни одной диверсии, магистраль работала бесперебойно.

Чехословацкие легионеры, охраняющие байкальские тоннели.

Разбираясь в причинах чешского предательства, историки сходятся во мнении, что чехи обеспечивали в первую очередь безопасность для своих эшелонов на самом уязвимом участке Транссиба, а также, свергая колчаковскую власть, надеялись на устранение последних препятствий по бесконтрольному вывозу из России награбленных ценностей, намереваясь также вывезти золото Российской Империи — весь золотой эшелон Колчака, который к этому времени был уже захвачен чехами в Нижнеудинске и который всё же вывезти им не удалось. Телеграфный приказ Колчака во Владивосток о проверке огромного имущества чехов, вывозимого ими на родину, стал одним из последних распоряжений адмирала.

А теперь о переходе каппелевцев через Байкал. В современных публикациях часто говорится, что во время этого перехода погибло много обессилевших людей. Они лежали на льду, а рядом с ними лежали золотые слитки. А весной, когда лёд растаял, каппелевцы вместе с золотом ушли на байкальское дно. О том, что золота у каппелевцев не было, в очерке уже было сказано. А что касается многочисленных трупов белых, то переход через сибирское море был гораздо легче, чем путь по Енисею и Кану, а бойцы к этому времени остались самые выносливые.

Поход каппелевцев к Байкалу проходил через станцию Байкал, о чём свидетельствует дневник белого офицера, хранящийся в музее городка Бабушкина (бывшего Мысовска). Хочу привести его полностью.

ДНЕВНИК ОФИЦЕРА

«...Взошло солнце. Показался Байкал. С чем можно сравнить эту белую ледяную равнину? В ореоле нежнейших жемчужных переливов, сияние утренних гор. Казалось они совсем рядом, а ведь до них полсотни верст. И всё это горное ожерелье под бледно-зелёным морозным небом сияло красками, голубыми, зелёными самоцветами, огнями такой изумительной тонкости, нежности, прозрачности, что превосходило собой любую каменную сказку. Но кроме всех этих красот это же был Байкал — вожденная грань, отделяющая царство красных от царства белых. Людям, месяцами не знавшим, где приклонить голову, людям, обречённым на изгнание, людям, уходившим от того, что они не хотели принять, было уже всё равно, где стоял тот жертвенник, за рога которого они схватятся. Слишком много этапов мы прошли.

Мы шли к атаману Семёнову как к последнему оплоту нашему, который ещё

оставался перед Дальним Востоком. Объехали огромную дымящуюся полынью у Шаманского камня. Проехали мимо замерзшего ледокола «Ангара» и вылезли прямо на берег у маленькой станции Байкал, прижатой к скалам. Боже мой! Сколько афиш, плакатов, листовок тут было расклеено. И какими только словами не честили они нас. Мы и «убийцы», и «грабители», и «обманщики» и «тёмные силы» — враги народа. Все силы трудового народа призывались на борьбу с нами, на уничтожение нас. Все, все, все должны были истреблять эти «капшелевские банды». О, русская литература! Величайшая из литератур мира. Какую маску надевали на твоё святое лицо руки людей, державших такие перья?

С подходом к Голоустному выюга стала усиливаться, и страшно было видеть, как ветер умчал в Байкал чью-то распряжённую, с поднятыми оглоблями кашерку. Голоустное оказалось маленьким прибайкальским селом, уместившимся на пятке, уступленном горами, у самой воды. Набито оно было до отказа, места в избах не было. Мы приютились на кладбище, разбитом возле крохотной церкви. Выюга. Ночь. Громкое уханье опускающегося, трескающегося льда. Вой ветра. Все искали кузнецов, чтобы подковать коней. Всю ночь дышали горны, гремели молоты. С рассветом ветер стих. Стали мы вытягиваться на лед. Огромным треугольником на дороге через Байкал построились тысячи саней. Вдруг ухнул под ними лед, и вся орава, вопя, понеслась в разные стороны. Несчастья всё же не случилось, лед выдержал.

Ветер стал усиливаться, и к часу дня так сильно разбушевался, что рядом сидящий человек не мог разговаривать с соседом.

Головы людей замотаны шарфами, покрывалами или рогожами. Вся наша армия превратилась в сплошную лаву. Не слышно было никаких команд, только слышен был вой ветра, сваливающего слабых с ног. Переход был убийственен. Ветер креп и креп.

Переход капшелевцев через Байкал

Где был открытый лед, лошади скользили и спотыкались. Неловкий шаг, накат саней, и крупный конь падал. Делали башмаки — обертывали копыта толстым слоем джутового мешка или солдатского покрывала. Мы ехали вперёд. Мимо нас проносились и оставались позади стоящие, лежащие, околевающие или уже околевшие кони. До трехсот коней-жертв насчитал я, и бросил считать, когда до берега оставалось ещё верст 15. И опять чернели кони — шахматные фигуры, зажатые по шею льдом.

Непокорный Байкал словно издевался над нами. Вдруг ухнет утробно и грозно где-то в глубине и сверкнет по льду молния. Лошади с диким ржанием шаркались, опрокидывая обозы. Падая, ломали ноги. Казаки, рискуя своей жизнью, спешивались, спасая не только свой обоз с семьями, но и тифозных больных из пехотных полков. Рядом бедняга свалился со своей подводы, замерзал и из последних сил тянулся рукой к летящей мимо веренице саней.

Проскочили под железнодорожным мостом на берег. Выехали на гору. Когда мы встали твердо на землю и оглянулись назад, перед нами открылась картина — весь пройденный нами путь был усеян конями и санями. Люди видят берег, видят село и, как утопающий в море старается скорее доплыть до лодки, так и тут. Чтобы не замерзнуть на блестящем льду, бросали упавших коней и шли пешком, обгоняя друг друга...»

Удивительно, что даже тяжёлая военная доля, сиюминутные смерти, холод, голод и болезни во время Великого Ледового перехода — всё померкло перед автором текста, когда он увидел «нежнейшие жемчужные переливы» Байкала, и горное ожерелье, сияющее самоцветами изумительной нежности и прозрачности. И автор, художник в душе, не мог не дать среди тяжёлых описаний перехода маняще-сказочную картину озера-моря, притягивающего и радующего взор всегда, даже в трагические моменты жизни, истории. А во время перехода каппелевцев Байкал был ещё «вожделенной гранью, отделяющей царство красных от царства белых». Сердце откликается на каждое слово автора-воина. Жаль измученных людей, познавших все ужасы войны. Жаль обессиленных, умирающих на скользком байкальском льду лошадей, животных, множество раз выручавших, спасавших человека и в мирное, и в военное время. Сколько их погибло в ту войну — не счесть...

Насытившись смертями, истерзав землю взрывами, подходила к концу гражданская война. Страна постепенно возвращалась к мирному времени. Залечивал раны и порт Байкал. Отстроили заново разрушенную взрывом станцию, через которую пошли мирные поезда. Ожил и порт, хотя местным жителям долго не доставало дымящего великана-ледокола. Переживших войну ждали нелёгкие времена, но они, привыкшие к тяготам, стали жить и работать. А мёртвые навечно остались лежать в сырой земле у Байкала.

Братская могила в порту Байкал

Братская могила, находящаяся на старом кладбище в пятистах метрах от посёлка, у крутой горы, заросшей деревьями, цветами, папоротником, багульником, долгие годы была обозначена надгробной плитой. И только 3 августа 1957 года был торжественно открыт обелиск воинам, погибшим в годы Гражданской войны в борьбе за установление Советской власти в Прибайкалье, за посёлок Байкал. Обелиск построили и обнесли железобетонными столбами с якорными цепями рабочие порта. Уход за обелиском стали осуществлять ученики восьмилетней школы порта Байкал. Помню, как в 70-х годах 7 ноября мы, школьники, шли к старому кладбищу, к братской могиле, читали стихи, пели песни, возлагали цветы и гирлянду, сделанную своими руками. А накануне праздника вместе с комсомольцами порта красили могилу и приводили в порядок территорию возле неё. К сожалению, позже братская могила стала почти заброшенной. Память наша коротка...

Прошло сто лет, как закончилась Гражданская война. Целое столетие не гремят на Байкале взрывы, не летят в его хрустальную воду снаряды и не вздымают её высокими столбами, не гибнут тысячами люди на байкальских берегах. Плещет мирной волной Байкал, прекрасный в любое время года. И дай Бог, чтобы больше никогда не знали войн здешние чудесные места!

*Все фотографии, кроме двух последних (авторских),
взяты из интернета.*